

Елаг	0170-01	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 1 “Амнистия”
216	0170-02	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 2 “Зритель”
217	0170-03	ИВАН ЕЛАГИН	“В моём театре”	Часть 3 “Я тоже звезда”

Сторона 1 – 17.19

Сторона 2 – 18.20

1. Обнадёжь меня, время – 0.55	1(12). Концентрационный век – 1.35
2. Парус над ванной – 2.50	2(13). В бараке – 1.40
3. Богач – 1.16	3(14). Война – 2.17
4. Окна – 1.46	4(15). В поезде – 1.57
5. Дождь – 1.54	5(16). У собора – 1.36
6. В судорогах – 1.14	6(17). Конец войны – 1.35
7. Бессонная совесть – 1.39	7(18). Над могилой солдата – 1.20
8. Преобразователь – 1.27	8(19). За то – 0.48
9. Где же? – 1.43	9(20). Амнистия – 1.23
10. Есть выход – 1.07	10(21). Мой век – 1.41
11. Чашки весов – 1.28	11(22). Ты, моё столетье – 2.28

Общее время звучания – 35.39

Сторона 1(3) – 20.13

Сторона 2(4) – 19.23

1(23). Может быть – 1.21	1(36). Пролом – 1.38
2(24). У моря – 1.22	2(37). Счастливый потомок – 1.42
3(25). На берегу – 1.54	3(38). Битники – 2.30
4(26). Тяжелые брови – 1.20	4(39). Крылатая мишень – 1.19
5(27). Дымные глаза – 2.06	5(40). Склонившаяся Муза – 0.51
6(28). Земные сокровища – 1.40	6(41). В моём театре – 2.20
7(29). В океане – 1.17	7(42). Зритель – 2.02
8(30). У пристани – 1.13	8(43). Художнику – 2.07
9(31). Замужней женщине – 1.09	9(44). Оптимизм – 1.43
10(32). Поровну – 1.11	10(45). Смычок – 1.35
11(33). Подведение итогов – 2.02	11(46). Скрипач – 1.36
12(34). Вспоминая Одиссея – 1.58	
13(35). Подстриженное дерево – 1.40	

Общее время звучания – 39.36

Сторона 1(5) – 19.00

Сторона 2(6) – 20.09

1(47). Скверные сны – 1.05	1(58). Под сквозняками – 1.23
2(48). Какая осень! – 2.08	2(59). Ожидание друзей – 2.01
3(49). Восклицанья вороны – 1.31	3(60). Под счастливой звездой – 2.28
4(50). Солнечное копьё – 1.35	4(61). Я тоже звезда – 2.07
5(51). Осень – 1.52	5(62). Магазин игрушек – 2.19
6(52). Люди в листопаде – 0.51	6(63). Я жив ещё – 1.49
7(53). Другу – 1.47	7(64). На последней черте – 2.00
8(54). В сетях осени – 2.02	8(65). Молитва – 1.30
9(55). Поздняя осень – 1.43	9(66). Таинственная дверь – 1.57
10(56). Скоро – 1.29	10(67). Под какими крестами? – 1.25
11(57). Разорванный на части – 2.57	11(68). Перед последним полетом – 1.10

Общее время звучания – 39.09

Общее время звучания – 1.54.24

СТОРОНА 1

ОБНАДЕЖЬ МЕНЯ, ВРЕМЯ

Как с трамплина влетают в бассейн,
Так и я моей тяжестью всей

Рассекаю до самого дна
Стекловидную светопись дня.

Словно тело в стекло вплетено,
Словно тело в стекле ледяном,

И вослед сквознякам световым
Я теку по каким-то кривым,

Словно я в полусмерть занесен,
В полусвет, в полумрак, в полусон;

Обнадежь меня, время, скажи,
Что я вставлен в твои витражи:

Когда стекла твои зацветут,
Ты поставишь меня на свету,

На юру, на восход, на закат,
В листопад, в снегопад, в звездопад.

ПАРУС НАД ВАННОЙ

Занавеска над ванной, как парус.
А я в ванне сижу и купаюсь.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Я купаюсь, я мылюсь, я парюсь,
Надо мной занавеска, как парус.

Я смотрю, как искристая пена
Угасает на мне постепенно.

Уплывает в парах моя ванна
С занавескою из целлофана,

Уплывает среди пара и плеска
Целлофановая занавеска.

Я блаженствую, я разомлел.
Моя очередь жить на земле.

Моя очередь спать и проснуться,
Пить чай из цветастого блюдца.

Я свой собственный важный посол,
Уплывающий в мыльный рассол,

Я министр без штанов и портфеля,
Простофиля и пустомеля,

Моя очередь жить нараспашку,
Нализаться в веселой компашке,

Чтоб в звенящем, блестящем бокале
Далматинские звезды мигали,

Чтоб луна мне казалась гримасы
(Занавеска звенит из пластмассы).

А луне холодок нипочем.
Так и прет с оголенным плечом.

За окном океаны косматы
(Занавеска дрожит из пластмассы).

И меня пролетающий ангел
Поливает из лунной лоханки.

Звезды сваркой спелят автогенной,
Звезды падают мыльной пеной,

Занавеска, как парус, над ванной,
А я в ванне блаженный и пьяный.

БОГАЧ

Странно и неожиданно
Стал я богачом:
Я набил карманы
Солнечным лучом.

Я теперь богат,
Мне теперь почет.
Я кладу закат
На текущий счет.

А как дуб листвою
Надо мною тряс,
Он мне отдал свой
Золотой запас.

Крепче всех валют,
Звонче всех монет
Те лучи, что льют
Предвечерний свет.

Больше всех богатств
Тот закат в огне,
Что сейчас погас
У меня в окне.

ОКНА

Месяца светящийся фаянс.
Отблески на крышах и антеннах,
Окон неоконченный пасьянс,
В сумерках разложенный на стенах.

Лампа загорается в окне,
Точно свет нисходит благодати,
И плывут, как в золотом вине,
Тени на сияющем квадрате.

Мне не раз казалось, что они –
Только дрожь потусторонних планов,
Кто-то резко выключит огни,
И они исчезнут, в камень канув.

И я сам поставлен под стекло
Высоко, почти под самой крышей,
Чтоб сиянье города вошло
В хрустали моих четверостиший,

Чтоб душа могла маячить так,
Как реклама на вечерней вышке,
То мгновенно прятаться во мрак,
То бросать оранжевые вспышки.

ДОЖДЬ

Дождь бежал по улицам на цыпочках,
Дождь бежал то тише, то слышней,
Дождь бежал, асфальт вечерний выпачкав
Масляными красками огней.

Под ногами, точно в черном озере,
Светофора вспыхивал рубин.
Отсветы неоновые ерзали
В темноте асфальтовых глубин.

Точно все огни земные плакали
В бесконечных прорезях дождя.
Ночь под землю уносила факелы,
Улицы с собою уводя.

Вот он, город мой неузнаваемый,
Город каменной моей судьбы,
Под тобой оранжевыми сваями
Световые движутся столбы.

Я и сам о том уже не ведаю,
Что ищу я в шуме городском,
За какими отсветами следую
И в пространстве двигаюсь каком.

Я уже не ощущаю хлесткости

Наискось летящего дождя.
Где-то рядом, в вертикальной плоскости,
Плоский сам, проскальзываю я.

Может быть, из всех объемов вынутый,
В измереньях двигаясь иных,
Я теку, в асфальте опрокинутый,
Отсвет – среди отсветов ночных.

В СУДОРОГАХ

Так. Маскарад вечерний начат.
Расторгнут занавес зари.
Как виселицы, замаячат
На перекрестках фонари!

И тени супятся, и серый
Наваливается фасад,
И улица плывет галерой,
И вспять шарахается сад!

Все в судорогах, и трамваев
Не выпускают стыки рельс,
Покуда сумерки, истаяв,
Не завершат заклятый рейс.

Да. Только ночь поставит финиш!
Ты, ночь, безвыходная сплошь –
Оцепишь город, и нахлынешь,
И отодвинешь. И сотрешь.

БЕССОННАЯ СОВЕСТЬ

Я это молчание выбил, как пробку,
И залил бумагу лиловым вином...
Веселого месяца тонкую скобку
Повешу над самым высоким окном!

И только рукою взмахну я надменно,
И город столпится у этой реки, -
Смотри – на балконах стоят джентльмены
И к звездам бросают свои котелки!

И небо прожектором залито синим,
И, кажется мне, я по крышам иду.
Какая-то женщина в платье павлиньем
По небу ночному летит, как по льду!

И рвутся ракеты, и гаснет каскадом
За красной струей золотая струя...
Ну что ж, ты довольна своим маскарадом,
Ответь мне, бессонная совесть моя?

Мы все столкнуться с тобой не умеем,
Я спорил с тобою до боли в висках,
Водил по театрам, таскал по музеям
И скрипками мучил в ночных кабаках!

Мне все в этом мире казалось забавой,
Зачем же, и мир от меня заслоня,
Прощальные слезы ирландки картошкой,
Как капельки лавы, сжигают меня.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬ

Высунулся во мглу
Из вороха одеял.
Проверил – стоит ли дом на углу:
Стоит, как вчера стоял.

Поправил ветер в саду,
Что бил о звезду доской,
Из сада убрал звезду
И вывесил над рекой.

Кажется, Орион
Задел и качнул плечом,
И ушел досматривать сон
(Уже не помню о чем).

Знаю, что мир вчерне
Был выстроен до меня.
Но, видимо, с миром мне
Еще предстоит возня:

Мне не подходит он
В том виде, в каком он есть.
Пора замесить бетон,
Пора на стропила лезть.

ГДЕ ЖЕ?

Видно, дела плохи
Великолепной эпохи:
Полицейские атташе
При каждой живой душе.

А ведь была ж когда-то
Без кляпа во рту душа
У обезьяны мохнатой,
Вышедшей из шалаша,

Прислушивающейся к дебрям,
Таящейся у корчаг,
В единоборстве с вепрем
Отстаивающей очаг!

А ведь была ж обида

У глядящего из-под лба,
 Воздвигавшего пирамиды
 Египетского раба!

И вера была – знамя!
 Раскольничий поп с костра
 Просовывал сквозь пламя
 Мятежные два перста!

Пел – на костре скорчась!
 Слушай – сегодняшней, ты!
 Где же твоя гордость?
 Где же твои персты?

ЕСТЬ ВЫХОД

Пока не заткнули кляпом
 Клокочущий рот, пока
 Не выгнали в ночь этапом
 Под окрики с броневика,

- Загнаны в вагоны,
 А все-таки живем! –
 Пока, как в огонь, в вагоны
 Не побросали живьем,

Пока не сбиты кучей
 За проволокой колючей
 И сыновья и дочери
 Под пулеметные очереди –

Пока еще есть выход,
 Выход и тьма выгод:
 Стеклышком обыкновенным
 (Только острей выточь!)
 Раз полоснешь по венам –
 И никаких выдач!

Лучше массой аморфной!
 Назад отступать – куда ж?
 Пока еще есть морфий,
 Веревка, шестой этаж –

Пока еще не на слом,
 Дышим еще покамест –
 Гневу псалом!
 Ненависти акафист!

ЧАШКИ ВЕСОВ

Будет холод в забытой квартире.
 Будут лаять дворовые псы.
 Кто-то бросит последние гири
 На мои золотые весы.

И о землю ударится чашка,

Утомленная чашка весов.
И меня молчаливо и тяжело
Перекроет могильный засов.

И подыметя чашка вторая,
Всю земную прорвав шелуху.
Я не знаю, дойдет ли до рая,
Только знаю, что будет вверху.

КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ВЕК

Нас раскидало по волнам,
По разным пристаням рассея...
И долго будет небо нам
Железным небом Одиссея.

И океан под нами смят,
И гибнуть нам, как древним грекам...
Как боги хаоса шумят
Над концентрационным веком!

Мы вновь у них перед судом,
Мы – к ним попавшие в немилость,
С тех пор, как в наш высокий дом
Их злая молния вломилась.

В БАРАКЕ

Луна огибаает барак.
Какого-то сна отголосок
Донесся из груды коряг,
Из черного штабеля досок.

То ночь занялась грабежом,
И я уже вижу и слышу,
Как длинным зеленым ножом
Луна перерезала крышу.

Ты вынырнешь из-за угла
И грязь этих улочек выдашь.
Куда тебя ночь завела?
Ты плачешь, небесный подкидыш!

Ты тянешь алмаз по стеклу
И близишься все вороватей,
И чертишь на голом полу
Тоску двухэтажных кроватей.

Ну что, разглядела вблизи?
Теперь убирайся за сосны!
Оттуда сквози. Погрузи
Навеки в раствор купоросный.

Как хочешь меня озирай.
Но только, ты слышишь, не сетуй!
Мне домом не этот сарай,

И ночью дышу я не этой.

ВОЙНА

Над ветлами, над ульями,
Над липами, над пчелами
Гудело утро пулями
Свинцовыми, тяжелыми.

Трещало автоматами,
Глушило минометами,
Кто прятался за хатами,
Кто жался под воротами,

А мертвые – кто во поле,
Кто брошены на отмели...
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Родимые, да что ж это?
Никак земля наша-то!
Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито!

Была ж Россия мамонтом,
А не прошло полвеку-то –
Сожгли тебя! От сраму-то
Тебе деваться некуда!

Обрадовались, грабили,
А непокорны ежели,
Мужик ли это, баба ли –
На перекрестках вешали!

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в польмя!

Из-под кнута-то отчего,
Да под дубину отчима!
Тот Соловками потчевал,
А этот смертью потчует!

Коль две скрестились гибели,
Какое сыщешь снадобье?
Одну мы гибель выбрали,
Коль выбирать уж надобно!

В ПОЕЗДЕ

От полустанка до полустанка
То водокачка, то вагонетка,
Полка, бутылка, консервная банка,
Поле да поле, да изредка ветка!

От разлуки до разлуки,
От судьбы и до судьбы
Взяли душу на поруки
Телеграфные столбы!

Телеграфные столбы –
Соглядатаи судьбы!

Ветер бреющим полетом
Бьет по спинам поездов
И поет, поет по нотам
Бесконечных проводов!

Пой на тысячу ладов,
Ветер нищих! Ветер вдов!

У СОБОРА

Я проходил по улицам чужим.
Из подворотен выплывала сырость.
И вот, как вечность неопровержим,
Крутой собор передо мною вырос.

Он говорил: ты наглухо прибит
К тяжелому, заплаканному миру.
Сойди на миг с твоих земных орбит,
Плыви со мной по звездному пунктиру!

Он делался всё выше и острей,
Он в небесах искал себе упора,
И я сгорал на каменном костре
В средневековом пламени собора.

А рядом содрогалась от стрельбы
Моей земли последняя дорога.
Мне в эту ночь клялись в садах дубы,
Что близок день, что мы увидим Бога.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
И на путях дымятся груды шпал,
И проволока вянет на заборе.

Они молчат – свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени.

Но труден день очнувшейся земли.
Уже в портах ворочаются краны,
Становятся дома на костыли...
Там города залечивают раны.

Там будут снова строить и ломать.

А человек идет дорогой к дому.
Он постучится – и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

НАД МОГИЛОЙ СОЛДАТА

Что останется? Ржавчина свалок,
Долгий голод, рассказы калек...
И подумают дети, что жалок
Был прославленный пулями век.

Что им скажут какие-то числа
Покоробленных временем дат
Там, где криво дощечка повисла
Над твоею могилой, солдат?

И никто не узнает, что душу
Ты отыскивал в черном бою,
Там, где бомба хрипела: «разрушу»,
Там, где пуля свистела: «убью»...

Где прошел ты, весь в дыме и пепле,
В дыме боя и пепле седин,
Там, где тысячи гибли и слепли,
Чтобы солнце увидел один...

ЗА ТО

За то, что руку досужую
Не протянул к оружию,
За то, что до проволок Платтлинга
Не шел я дорогой ратника,
За то, что под флагом Андреевским
Не разнесло меня вдребезги, -
За это в глаза мне свалены
Всех городов развалины,
За это в глаза мне брошены
Все, кто войною скошены,
И вместо честной гибели
По капле кровь мою выпили
Тени тех самых виселиц,
Что над Москвою высились.

АМНИСТИЯ

Еще жив человек,
Расстрелявший отца моего
Летом в Киеве, в тридцать восьмом.

Вероятно, на пенсию вышел.
Живет на покое
И дело привычное бросил.

Ну, а если он умер, -
Наверное, жив человек,
Что пред самым расстрелом

Толстой
Проволокою
Закручивал
Руки
Отцу моему
За спиной.

Верно, тоже на пенсию вышел.

А если он умер,
То, наверное, жив человек,
Что пытал на допросах отца.

Этот, верно, на очень хорошую пенсию вышел.

Может быть, конвоир еще жив,
Что отца выводил на расстрел.

Если б я захотел,
Я на родину мог бы вернуться.

Я слышал,
Что все эти люди
Простили меня.

МОЙ ВЕК

Мой век! От стука
Ночного в дверь
Пошла наука
Больших потерь.

Мой век ущербный,
Мой век-недуг
Листал учебник
Колымских вьюг.

Мой век! Ты – школьник,
И твой диплом
Добыл ты в штольнях
Тупым кайлом.

Мой век! Экзамен
В полярный вуз
Ты сдал слезами
Российских муз.

В краю студеных
Глыбастых льдов –
Плоды ученых
Твоих трудов.

Почетный доктор
Бушлатных прав,
Мой век, продрог ты,
В метель попав.

С таежных елок
 Не сходит снег.
 Постыдно долог
 У века век.

ТЫ, МОЕ СТОЛЕТИЕ!

Бомбы истошный крик –
 Аэродром в щебень!
 Подъемного крана клык
 На привокзальном небе –

Ты, мое столетие!

Поле в рубцах дорог:
 Танки прошли по полю.
 Запертое в острог,
 Рвущееся на волю –

Ты, мое столетие!

Ищущее конец,
 Бьющееся в падучей,
 Мученический венец
 Проволоки колючей –

Ты, мое столетие!

Кручу за пядью пядь
 Брали. И вот со склона
 Ринувшееся вспять,
 Все растеряв знамена,

Ты, мое столетие!

Брошенное на штык,
 Дважды от крови ржавый,
 Загнанное в тупик
 Дьяволовой облавой –

Ты, мое столетие!

Царственные века
 Были твоим подножеством.
 Продано с молотка,
 Выжжено гневом Божьим –

Ты, мое столетие!

Кости с тобою сложим!

Плоть от плоти твои,
 Шиты твоим покроем.
 Бурей своей пои!
 Кровью своей напоим!

Верности клятву прими,
Ты, мое столетие!

СТОРОНА 1(3)

МОЖЕТ БЫТЬ

Может быть – мучение,
Может быть – прощание,
Для волны – свечение,
Для звезды – качание.

Месяца горение
Над леском проселочным
Дереву ранением
Кажется осколочным.

Может быть, для гения
Означает творчество
Судорогу жжения,
От которой корчатся.

Может, наказания
Мера наивысшая –
Не четвертование,
А четверостишие.

Все на свете мучится,
Что красою светится;
Этим свет и крутится,
Этим свет и вертится.

У МОРЯ

Алебастром сверкает гостиница,
А вокруг нее пальмы павлинятся

И, качаясь по ветру размашисто,
Синевою небесною мажутся,

И дрожит над своими пожитками
Море, шитое белыми нитками.

А над морем, над пляжем, над пальмами
Ходит солнце – охотник за скальпами,

Озирается, по небу ходючи,
И ножи его блещут охотничьи...

И лежу я под пальмами этими,
Говорю я с тысячелетьями,

С ветром, солнцем, и морем, и сушею,
И что мне говорят они – слушаю.

НА БЕРЕГУ

Тут волна ко мне подходит вкрадчивая,
Камушки у ног переворачивая.

Тут волна ко мне подходит палевая,
Легкой-легкой пеною заваливая.

Тут волна ко мне подходит ласковая,
За собою водоросли втаскивая.

Поутру вода тут малахитовая,
И песок вздыхает, воду впитывая.

Вечерами тут волна агатовая,
Набегает, брызгами окатывая.

Мне отсюда уходить не хочется.
Берег, как большое одиночество.

ТЯЖЕЛЫЕ БРОВИ

Как мятежники держат ружье,
Так вы держите гнев наготове.
Оттого и на сердце мое
Замахнулись тяжелые брови.

Оттого ваше темное «эл»
Так на «ве» временами похоже,
Оттого я был с вами несмел,
Может быть – и любил оттого же.

Опоздавшее сердце, ржавей!
Вы от жизни моей отойдете,
Но размах этих долгих бровей
Я запомню, как птицу в полете.

ДЫМНЫЕ ГЛАЗА

У вас в глазах то робость,
То озорство, то страсть.
У вас глаза, как пропасть,
Где так легко пропасть.

Они у вас туманны,
И чуть блестят они.
У вас глаза – капканы,
Ловушки, западни.

Там вспыхивает шатко,
Там прячется, скользя, -
Решимость и оглядка,
И можно, и нельзя,

Открытость и рисовка,
Отчаянье и блажь –

Глаза, как маскировка,
Глаза, как камуфляж,

Как лунных два осколка,
Как дымных два цветка,
И целятся недолго,
И бьют наверняка.

Они у вас бездонней
Всех омутов и рек,
У вас в глазах – погоня,
У вас в глазах – побег.

И собственному сердцу
Я говорил не раз,
Что мне не отвертеться
От ваших дымных глаз.

В них темный ветер риска,
В них сам себе я снюсь.
Когда-нибудь я низко
Над ними наклонюсь.

ЗЕМНЫЕ СОКРОВИЩА

Их было много – золотистых ливней.
Тебя ломали страстные струи,
Но с каждым днем глядели все наивней
Глаза ошеломленные твои.

Я шел на них! И падал под ударом!
(Господь, глаза ее умилосердь!)
Так тянутся к автомобильным фарам,
Несущим ослепительную смерть.

Я шел на них! И ветер плыл гигантом
И оставлял на мокрых тучах шрам,
И в сумерках бродячим музыкантом
Ходила осень по пустым дворам.

Я знал, что поздно! Знал, что ставка бита,
Что счастье изменяет игроку!
Но я бросался счастьем под копыта,
Чтобы остановить на всем скаку!

И знал: его уже не остановишь!
Мелькнет! Ударит! Рухну! Наповал!
Из всех небесных, всех земных сокровищ
Я только глаз твоих не целовал.

В ОКЕАНЕ

В океане сумрак долог,
Но у мачты нам светло!
Месяц – зеркала осколок,
Парус – белое крыло!

По распатанным помостам
 До снастей добрались мы!
 Видишь – волны тост за тостом
 Подымают у кормы?

Ни земли, ни скал, ни мелей,
 Ни огня, ни корабля...
 Только темных ожерелий
 На груди твоей петля!

У ПРИСТАНИ

Там улица кончалась. Там
 Река поблескивала снизу.
 Луна с карниза по карнизу
 Плелась за нами по пятам!

И лестница упала там
 До самой пристани, до самой
 Волны сутулой и упрямой,
 Надоедающей бортам.

А мы стояли у перил,
 У срезанного края кручи,
 А ветер тучи перерыл
 И посбивал деревья в кучи.

И прядь волос – твоих волос –
 Мне ветер даровал как милость...
 Как время не остановилось?
 Как сердце не оборвалось?

ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Все мудро устроено в мире, -
 И то, что замужем ты,
 И то, что в твоей квартире
 Стоят на столе цветы.

И то, что, придя с работы,
 Твой муж находит уют,
 И то, что эти заботы
 Встречаться нам не дают.

Но если при редкой встрече
 Ты мне кивнешь на ходу,
 Я эти глаза и плечи –
 В глубокую память кладу.

Я счастлив. И нет мне дела,
 Что меж нами преграды одни...
 Как бы ты мне надоела,
 Если бы не они!

ПОРОВНУ

Что стоишь ты в стороне?
 Что ты смотришь в сторону?
 Обо всем поведай мне,
 Все разделим поровну...

Знать, последняя весна
 И тебя состарила...
 Вот уже и седина
 По вискам ударила.

Как тебя я уводил,
 От людей выкрадывал –
 Ветерок не находил,
 Месяц не подглядывал!...

Что стоишь ты в стороне?
 Что ты смотришь в сторону?
 Обо всем поведай мне,
 Все разделим поровну...

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Что вспоминать? Плакать о чем?
 Над головой – темная высь.
 В сон уходя, теплым плечем
 Ближе ко мне ты примостись.

Мысли бегут быстро, как дым.
 Где-то с небес валится гром.
 Слышу, как в лад с сердцем твоим
 Сердце мое бьет под ребром.

Нас на часов шесть или семь
 Запорошит сонной пургой.
 И до утра где-то совсем
 Мы на звезде бродим другой.

Может быть, там, в звездной пыли,
 Я, наконец, что-то пойму.
 С правдой земли, с ложью земли
 Сладить уму не моему.

Длинная жизнь! Сколько ночей,
 Дней, вечеров, сумерек, зорь.
 Лучше, мой друг, с ходом вещей
 Ты на земле больше не спорь!

Я написал несколько книг,
 Все о себе, о прожитом,
 Только пора мне напрямик
 Честно сказать людям о том,

Что у меня важный пробел,
 Что у меня крупный провал,

Что я на мир жадно смотрел,
А понимать – не понимал.

ВСПОМИНАЯ ОДИССЕЯ

Где-то вверху, за холмы уходя,
Гром грохотал тяжело.
Шлепают крупные капли дождя
О ветровое стекло.

Может быть, так же, сквозь дождь, Одиссей
В море смотрел с корабля.
Кинулась сразу машиною всей
Мне под колеса земля.

Крупные капли дождя тяжелы,
Наискось бьют по стеклу.
Сосен стволы выплывают из мглы
И уплывают во мглу.

День, поскорее приди и рассей
Этот ненастный покров.
Может быть, так же кружил Одиссей
Возле чужих островов.

Верно, казалось, что рядом встают
Стены Итаки во тьме.
Моря ночного чудовищный спрут
Ерзал уже по корме.

С шумом и там подымались и тут
Щупальцы смерти самой.
Но хорошо, что хоть в песнях поют,
Что он вернулся домой.

ПОДСТРИЖЕННОЕ ДЕРЕВО

Все, кажется, в полном порядке.
Не злюсь я на долю мою.
Подстриженным деревом в кадке
У двери вокзальной стою.

В клоках паровозного дыма
Снует по перрону народ.
Иной пробегающий мимо
Мне в кадку окурок швырнет,

Иль старую бросит газету,
Иль кинет пустой коробок...
Но вот уже слышится где-то
Последний, прощальный звонок,

И в арке ночного пролома
Вагоны исчезнут за тьмой.
Одни уезжают из дома,
Другие приедут домой.

И мне бы усталые корни
 В родимую землю уткнуть,
 И мне бы огонь семафорный
 И рельсовый сказочный путь.

Узнал бы, как в деле проворен
 И как беспощадно остер,
 Срубая деревья под корень
 Гуляет родимый топор.

ПРОЛОМ

Пробивают в асфальте дыру
 И сажают в нее деревцо,
 Чтоб шумело оно на ветру
 И кидало мне листья в лицо.

И окно пробивают в стене,
 Чтобы вставшая из-за моста
 До рассвета качалась в окне
 Голубая большая звезда.

Видно, так на земле повелось, -
 У художника та же судьба:
 Пробивают нам душу насквозь,
 Чтоб запела душа как труба.

Птица бьет изо всех своих сил
 Против ветра упрямым крылом.
 Бог вселенную всю проломил,
 Чтобы небо поставить в пролом.

СЧАСТЛИВЫЙ ПОТОМОК

Обернемся на минуту,
 Прошное подстережем.
 Рубят голову кому-то
 Гильотиною-ножом,

И в кого-то с исступленьем
 Загоняют штык насквозь –
 Чтоб грядущим поколениям
 Очень счастливо жилось.

Так во имя светлых далей,
 Под всемирный визг и рев,
 В море Черное кидали
 Офицеров с крейсеров.

А теперь мы время сплющим,
 В день сегодняшней войдя:
 Поколением грядущим
 Вдруг оказываюсь я.

И выходит, как ни странно, -

Все стряслось из-за меня:
Трупов целые монбланы
И великая резня.

Шли кромешной чередою
Эти черные дела,
Чтобы жизнь моя звездою
Небывалой расцвела.

Чтобы стал мой жребий светел,
Чтобы мне удач не счесть!
Может быть, я не заметил?
Может, так оно и есть?!

БИТНИКИ

Вихлясты, расхлябаны,
Клокасты, нечесаны,
С такими же бабами
Простоволосыми,
Нахохленные, как сычи,
Шляются бородачи.

Видно, такая мода,
Видно, такой фасон,
Что мордой он – Квазимодо,
А волосней – Самсон!

Вот он, мой современник,
Глубокомыслен, как веник.

Он и его Беатриче
Поклялись друг другу не стричься!

В этом и шик модерный,
Чтоб выглядеть попещерней!

Звонче, гитара, тренькай –
Станем на четвереньки!

А какие-то профессора
Квохчут, вздором научным потчуя:
«Время кризисов» et cetera,
«Социальный протест» и прочее,

И выходит, что волосатость
Чуть ли не философский статус.

До коленных суставов вытянись,
Подбородочная растительность!

Объявляю – я тоже битник
Из самых из первобытных:

Я ратую горячо
За шкуры через плечо,

За набедренные повязки
Ослепительнейшей раскраски,

За дубины и за костры,
За каменные топоры.

Объявляю, что я поборник
Запрещения всех уборных –

Социальный во мне протест
Против отхожих мест!

Я к природе, к земле влекусь,
И меня вдохновляет куст!

Взъерошенные, как птахи,
На скамьях сидят неряхи.

Но все ж восседают парами,
Целуются все ж по-старому,

Смеются, друг дружке нравясь,
Трещат – разорви их атом, -
И во мне накапливает зависть
Лысого к волосатым.

КРЫЛАТАЯ МИШЕНЬ

Другим пусть кажется завидным
Спешить всю жизнь из края в край,
А мне сидеть бы дома сиднем –
Где вырос, там и помирай.

С тех пор, как журавлиной тягой
Несет по тысяче дорог,
Душа горюет доходягой
За темной проволокой строк.

С тех пор, как птичьим всполошеньем
Куда-то вечно тянет в путь,
Живу крылатою мишенью,
Пока подстрелит кто-нибудь.

СКЛОНИВШАЯСЯ МУЗА

Горят за окнами напротив
Алмазы звездного ковша.
Над лирой, брови озаботив,
Склонилась Муза, не дыша.

На человеческую ложь
Обрушья огненным тайфуном,
И в этом хаосе подлунном
Сердца и кровли растревожь!

За жизнь, растраченную наспех,
 За слезы в каторжном пути –
 Гори в непримиримых распрях,
 Земле и людям отомсти!

В МОЕМ ТЕАТРЕ

Я сегодня за широким столом,
 Я сегодня у себя в мастерской,
 По соседству у меня за углом
 Начинается бедлам городской.

Только мне на это все наплевать,
 И мне грохот никакой нипочем!
 Я сегодня расставляю опять
 Декорации в театре моем.

К дому дерево подвину сперва,
 Все черным оно черно от дождя,
 А верхушка – ни жива, ни мертва –
 Пусть качается, тоску наводя.

Вдоль по улице пушу я трамвай,
 В небе провод протяну навесной –
 Ну-ка, занавес давай-подымай,
 Я на сцене появляюсь ночной.

Мне казалось, что сценарий хорош,
 Что я знаю свою роль назубок,
 А как в роль эту вживаться начнешь –
 Норовишь куда-то вкривь или вбок.

Прихожу я от волнения в раж,
 Постановку всю как есть погубя,
 Забываю я, что я – персонаж,
 И играю самого я себя!

Вон и критик, недовольный игрой,
 Сокрушительные громы низверг
 И вопит, что настоящий герой
 Всей душою порывается вверх!

Под стеклянным я большим колпаком,
 В безвоздушном я пространстве повис,
 И конечно, в положеньи таком
 Непонятно мне, где верх, а где низ.

Не за роль же приниматься опять
 И чужую пересказывать страсть,
 Когда нечем мне не только дышать,
 Но и некуда мне даже упасть.

ЗРИТЕЛЬ

Вверху хрусталем и хромом
 В антракте зажгли звезду.

Раскланиваюсь со знакомым
В четырнадцатом ряду.

А сцена пуста. Не там ли,
Вперед наклонясь чуть-чуть,
Просил Офелию Гамлет
В молитве его помянуть?

Я страх почувствовал некий,
Что Гамлет просил о том
Уже в семнадцатом веке.
Попросит в двадцать шестом.

И перед этою тайной,
Что столько веков живет,
Я – только совсем случайный,
Незначущий эпизод,

И что искусство мудрее
Во многом жизни самой,
И что костюм устареет
Не гамлетовский, а мой.

Что здесь, у самого края
Сцены, живущей века,
Зрителя я играю,
И роль моя коротка.

ХУДОЖНИКУ

Я скажу языком неположенным,
Да и слов не хочу я возвышенных.
Называть тебя мало художником –
Поджигатель ты и злоумышленник!

Потому что не кистью, не краскою –
Головешками воспламененными
Петуха подпускаешь ты красного,
А зовешь его «Вазой с пионами».

А на этот пейзаж посмотрите-ка –
Что за пламя в осенних кустарниках!
Приглашать сюда надо не критика –
Вызывать сюда надо пожарников!

Медь какого-то чайника старого,
А такое сверкание чертово!
Это ты поразбрасывал зарева
На свое полотно натюрмортово!

На холсте, как в драконовом логове,
Польхает пунцово, гранатово, -
Это ты со своими поджогами
Начудил у сарая дощатого.

И не ты ли – все тюбики по боку -

И собравши всю силу огромную,
По закатному беглому облаку
Саданул зажигательной бомбою?

Вон и поле с коровою рыжею,
Как с костром, на дороге разложенным...
Оттого-то и смысла не вижу я
Называть тебя просто художником.

А захочется стать мне законником
И названьем блеснуть обстоятельным –
Назову тебя огнепоклонником,
Поджигателем, бомбометателем!

ОПТИМИЗМ

Еще много хороших вещей на земле,
Еще вздыблена лошадь с царем на скале,

Разлетается тога с царевых плечей –
На земле еще много хороших вещей.

Декорации брошью блистают во мгле,
Еще много хороших вещей на земле.

Приготовлены строго смычки скрипачей –
На земле еще много хороших вещей.

Гумилев и Волошин, Вийон и Рабле,
Еще много хороших вещей на земле,

И высокого слога не сохнет ручей.
На земле еще много хороших вещей.

Еще много хороших вещей на земле –
И рассвет, что ерошит листву на ветле,

И взлетают со стога десятки грачей.
На земле еще много хороших вещей.

Я целую ладошки твои в полумгле.
Еще много хороших вещей на земле.

Обжигай, недотрога, меня горячей.
На земле еще много хороших вещей.

И душистый горошек стоит в хрустале –
Еще много хороших вещей на земле.

Еще много у Бога и дней, и ночей.
На земле еще много хороших вещей.

СМЫЧОК

Вот вечер – медлит и плывет
И облака смешные лепит,

И кажется – луна вот-вот
За крышу здания зацепит.

А рядом музыка. Томят
Смычка невидимые взлеты,
И на балконе воздух смят
Волной вибрирующей ноты.

Смычок занесен в высоту!
Иль ты не видишь - в скачке дикой
Огромный всадник на лету
Застынул с вытянутой пикой?

Стоим, дыханье затая,
Пока не сгинет всадник где-то,
Как будто наша жизнь воздета
На острие его копья.

СКРИПАЧ

Звуки тончайшей выточки
Соскальзывали с плеча,
Как будто тянул он ниточки
Из солнечного луча.

Лежала на скрипке щека еще,
Дрожала еще рука,
И звук всплывал утопающий
За соломинкою смычка.

И ноту почти паутинную
Он так осторожно сужал,
Что скрипка казалась миною,
Которую он разряжал.

СТОРОНА 1(5)

СКВЕРНЫЕ СНЫ

Млечный путь осел на колею.
День жесток, а ночь еще жесточе.
У столба дорожного стою
За колючей проволокой ночи.

Так же будет сотни лет спустя.
Ни один не вырвется из клетки.
Так же будут наклоняться ветки,
Первобытным ужасом хрустя.

Кто мы? Для чего мы и откуда –
Проволокой звезд обнесены?
Говорят, Тебе мы снимся, Будда,
Скверные Тебя тревожат сны.

КАКАЯ ОСЕНЬ!

Какая осень! Что за странность
Ее клокочущая рдяность!

Какою мерой ни отмеривай
Запутанность житья-бытья,
Но и в одном осеннем дереве
Бессонно заблудился я.

Такое взбалмошное! Вот оно
Погодой ветреной измотано!

А сколько там дроздов, спрятанных
За шевелящейся листвой!
А сколько там прорех, заплатанных,
Великолепной синевой!

Такое нищенски-кривое,
Ошеломленное на вид,
А вспыхивающей листвою
Заворошит – заморозит!

Закопшится, загорится,
Закружится красным-красно,
Как будто ветром-проходимцем
То дерево подождено!

Так ослепительно и яро
Оно разбрызгивает свет!
Но из осеннего пожара,
Я знаю, - мне дороги нет.

Пока ему еще блистать,
Я вместе с деревом останусь.
Я тоже дереву под стать.
Я тоже осени достанусь.

ВОСКЛИЦАНЬЯ ВОРОНЬИ

Восклицанья вороньи
Повторяет воздух со всех сторон.
Ах, какое одностороннее
Образование у ворон.

Еще минута – и листик закружится,
А мы сидим, и медлим, и ждем.
А на асфальте зеркальце-лужица,
Забытое здесь вчерашним дождем.

И смотрит в него березка застенчиво,
Сама собою удивлена,
Хоть и березка, а все-таки женщина,
И даже кудри красит она.

Ах, какая на всем ирония!
Года за уроном наносят урон.
Восклицанья вороньи

Повторяет воздух со всех сторон.

СОЛНЕЧНОЕ КОПЬЕ

Точно родник,
Весь небосклон
Дивно глубок.
Осень, тебя пьем.

Видишь – возник
Гибельный клен,
Раненный в бок
Солнечным копьем.

Страстию лик
Твой опален.
Этот клубок
Рвем – не разорвем.

Видишь – возник
Гибельный клен,
Раненный в бок
Солнечным копьем.

В смерть напрямик
С самых пелен
Гонит нас Бог.
Все скоро уснем.

Видишь – возник
Гибельный клен,
Раненный в бок
Солнечным копьем.

ОСЕНЬ

Осень. В воздухе пахнет горелым.
Кто-то листья, наверное, жжет.
Плыть деревьям – моим каравеллам –
В новый свет, в новый снег, в Новый Год.

Синеватого неба обломки
Кольхаются над головой.
Листья, как при замедленной съемке,
С веток наземь текут по кривой.

Что ж! нам правду сказали, пожалуй,
Что красна даже смерть на миру.
Покружись, мое сердце, побалуй,
Покрасуйся и сгинь на ветру.

Слышно, как далеко вагонетки
У портовых причалов скрипят.
Вместе с небом качаются ветки.
Листозвон. Листолет. Листопад.

ЛЮДИ В ЛИСТОПАДЕ

Каштановым конвоем
Окружено окно,
И вся земля запоем
Пьет красное вино.

Мой голубой автобус
Уходит на бульвар,
Как мне понятна робость
Его туманных фар!

Он весь как на эстраде,
Под рыжей бахромой.
И люди в листопаде
Не ходят по прямой.

От парка и до парка
Он ветрами несом.
И осень, как овчарка,
Бежит за колесом.

ДРУГУ

Тебя поздравляю сегодня, друг,
С итогом высоких дней!
Еще мы вытянем семьдесят щук
И семьдесят окуней!

Затем я сегодня к тебе пришел
И руку твою потряс,
Чтоб сесть нам семьдесят раз за стол
И выпить семьдесят раз!

Да здравствует водка, икра, балык,
Давай наливать в дым!
Еще мы напишем семьдесят книг,
И семьдесят издадим!

И руку тебе я затем потряс,
Чтоб время любило нас,
Чтоб нам согрешить еще семьдесят раз
И каяться семьдесят раз!

Неважно – прозаик или поэт.
Главнейшая из задач,
Чтоб так же, как ты, и в семьдесят лет
Пить этот чертов scotch!

И я с тобой говорю сейчас,
И все о том же мой сказ:
Чтоб в покер сыграть нам семьдесят раз
И выиграть семьдесят раз!

Пусть время несет меня по волне,
Давно я пустился вплавь,

Но в день, когда семьдесят стукнет мне,
Ты тоже меня поздравь!

Затем, чтобы время любило нас,
Чтоб годы пускались в пляс,
Чтоб нам еще встретиться семьдесят раз
И чекнуться семьдесят раз!

В СЕТЯХ ОСЕНИ

Мы с тобой о чем-то разговариваем.
За окном осенний вечер тих.
За окном – огромный аквариум,
Сколько кружит рыбок золотых.

Кажется – еще одно мгновение –
И уйдем мы в воду с головой...
До краев вся улица осенняя
Налита тяжелой синевой.

Целый день виденья необычные
Неотступно ломятся в окно,
А напротив – домики кирпичные
Глубже опускаются на дно.

Может быть, мы где-то в тихой заводи –
Люди, и деревья, и дома.
Протянулась далеко на западе
Водорослей красных бахрома.

А у дома зарослью коралловой
Куст качнулся по ветру чуть-чуть,
И фонарь медузою опаловой
Выпустил светящуюся муть.

Мы теперь особенно медлительны,
Точно важно плаваем в воде,
А такой прохлады удивительной
На земле не отыскать нигде.

Кое-как стихи мои набросаны –
Путаница беспокойных слов...
Я опять попался в сети осени:
У нее всегда такой улов.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Ветки голы. Месяц тонок.
Поздней осени пора.
Ветер плачет, как ребенок,
В люльке каменной двора.

Были суды-пересуды,
Разговор за коньяком,
Горы сдвинутой посуды,
Дым под самым потолком.

Разошлись куда-то гости,
 Все затихло, все прошло.
 В ледяном, ночном нахлесте
 Ветки бьются о стекло.

Может быть, ушел я с ними
 И в пути отстал от них,
 И пропал в тяжелом дыме,
 В наваждениях ночных.

Где-то ходит по вселенной,
 Где-то прячется в веках
 Нетерпимый и надменный
 Ангел в рваных башмаках.

Если я дорогой к раю
 Повстречаю тень твою,
 То тебя я не узнаю,
 Как себя не узнаю.

СКОРО

Лужицы – как цинковые миски.
 С крыш, с деревьев, с проводов течет.
 По камням дожди, как машинистки,
 Отстучали годовой отчет.

На ходу влетают мне за ворот
 Два клиновых солнечных листка.
 Это осень оставляет город,
 Вдоль дорог бегут ее войска.

И вослед уйдут последним взводом
 Белые листки календарей,
 И воскликнут люди: «С новым годом!»
 Чтобы стать еще на год старей.

Облетают мысли с каждым шагом.
 Прохожу по скверам не спеша.
 Скоро выйдет к миру с белым флагом
 Перемирье заключать душа.

РАЗОРВАННЫЙ НА ЧАСТИ

В новогоднюю ночь я к столу подойду,
 И вина золотого нальет мне хозяйка.
 Если хочешь, попробуй – поди, подсчитай-ка,
 Сколько жизни оставил я в старом году.

Ты покрепче, хозяйка, меня напои,
 Чтоб душа заиграла, вином разогрета!
 Сколько раз я под звездами Нового Света
 Провожал новогодние ночи мои.

Где-то Старого Света оставленный край:

Дом. Каштан. Потемневшие стекла аптеки.
 Сколько жизни моей там осталось навеки –
 Если хочешь, попробуй, поди, подсчитай.

Я не знаю, с какой мне звездой по пути.
 Мое время меня разорвало на части.
 Только знаю одно, - что без старого счастья
 Мне и нового счастья уже не найти.

ПОД СКВОЗНЯКАМИ

Видно, было мне так назначено,
 Что я жизнь мою прожил начерно,
 Что явился я с опозданием
 На свидание с мирозданием.

Видно, так уже предназначено,
 Видно, так уже напрощено,
 Чтоб была душа озадачена,
 Чтоб была душа озабочена.

Испокон, видно, так налажено,
 Видно, сужено да положено,
 Чтоб гудела душа, как скважина,
 Ветром времени потревожена.

Видно, так уже предначертано,
 И никем еще не нарушено:
 Надо всем, что на свете мертвенно –
 Приоткрыта душа-отдушина.

А живем мы незаренными,
 Много хлама в пути накинано.
 Сквознячками потусторонними
 Нас прохватывает неожиданно.

ОЖИДАНИЕ ДРУЗЕЙ

Вот мои комнаты светлые, ясные.
 Окна с огромными ветками ясеня.

Ваза на столик поставлена с розами,
 В гости ко мне все друзья мои позваны.

Слышно, как ветки за окнами возятся.
 Только у двери ни стука, ни возгласа,

Только уж слишком светло и торжественно,
 Слишком возвышенно небо развешено,

Слишком он холоден, свет этот брызнувший,
 Слишком прозрачный и слишком он призрачный,

Кажется – это не розы на столике,

А над хрустальной вазою сполохи.

Ваза, и розы, и ветки за стеклами,
Небо закатное с кровоподтеками, -

Сколько простора, и света, и воздуха!
Но ни один не явился из позванных.

Я разминулся с друзьями во времени,
Где-то они за окном, за деревьями,

За океаном, за всеми закатами,
Где-то затеряны, где-то запрятаны,

Может быть, даже вас нет на земле еще,
Круглой земле между звезд зеленеющей,

Где для меня было самое высшее –
Это мгновенье и это двестишше.

Может быть, встретимся где-нибудь в воздухе
На подвесном, на приснившемся мостике,

И покачаемся по небу наискось,
Там, где осанисто плавают аисты.

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Ты сказал мне, что я под счастливой родился звездой,
Что судьба набросала на стол мне богатые яства,
Что я вытянул жребий удачный и славный... Постой –
Я родился под красно-зловещей звездой государства!

Я родился под острым присмотром начальственных глаз.
Я родился под стук озабоченно-скучной печати.
По России катился бессмертного «яблочка» пляс,
А в такие эпохи рождаются люди некстати.

Я родился при шелесте справок, анкет, паспортов,
В громыхании митингов, съездов, авралов и слетов,
Я родился под гулкой обвал мировых катастроф,
Когда сходит со сцены культура, свое отработав.

Только звезды оставь. Разлюбил я торжественный стиль.
Кто ответит, зачем эти звезды на небо всходили?
По вселенной куда-то плывет серебристая пыль,
И какое ей дело до нас – человеческой пыли.

Я еще уцелел, еще жизнь мою праздную я
И стою на холодном ветру мирового вокзала,
А звезда, что плыла надо мной, - не твоя, не моя,
Разве только морозный узор на стекле вырезала.

Оттого я на звезды смотреть разучился совсем.

Пусть там что-то сверкает вверху, надо мной леденя, -
 Мне бы дружеский взгляд да очаг человеческий – чем
 Ближе к небу – как Дельвиг говаривал – тем холоднее.

Я ТОЖЕ ЗВЕЗДА

И ветер, и снег,
 И темень на улице поздней,
 И тени из тех,
 Что, сойдясь, замышляют какие-то козни.

И в темном парадном
 Не спрятаться и не согреться,
 И слышно, как рядом
 Под ребрами брякает сердце.

Качаются ветви
 В беспамятно-воющем ветре,
 В отчаянном ветре
 Качаются вечные ветви.

Зачем Ты свои небеса
 Расплескал надо мною?
 Зачем Ты мне колишь глаза
 Непорочной звездой?

Как лодку ночную
 Кидает куда-нибудь шквалом –
 Я также кочую
 По вздыбленным черным кварталам.

На этой из камня
 И глины отлитой планете
 Была красота мне
 Страшнее всех страхов на свете.

Сияла она,
 Как лампада над Дантовым адом,
 Грозна и страшна,
 Оттого что с погибелью рядом.

Казалось тогда,
 Что и космос какой-то двоякий,
 Я тоже звезда,
 И я тоже сверкаю во мраке.

МАГАЗИН ИГРУШЕК

Магазин игрушек.
 Сколько погремушек!
 Прямо из окошек –
 Выставка матрешек.
 Вон дрыгун, вон прыгун,
 На веревочке вертун!
 Рядом с этим дрыгунцом –
 Пограничник с ружьемом.

Вон пожарник в каске,
 Куколка в коляске.
 Крашенные кубики
 Для дошкольной публики.
 А у самых у дверей –
 Деревянный воробей:
 Заведешь ключом пичужку –
 Чик-чирик да скок-поскок.
 Продавец продаст игрушку,
 Запакует в коробок.

Жизнь сегодня подытожа,
 Сделал вывод я один:
 Жизнь совсем была похожа
 На вот этот магазин.
 Был дрыгун я, был прыгун,
 Был я по миру скакун,
 А за мной, за дрыгунцом –
 Пограничник с ружьемом!
 От него я тягу дал,
 Удирать я был удал!
 И среди путей-дорожек
 Моего житья-бытья
 На хорошеньких матрешек
 Как засматривался я!

Жизнь горела, жизнь пылала,
 Жизнь меня кидала в жар,
 И пожарников немало
 Заливало мой пожар!
 Несмотря на эти встряски,
 Я нисколько не тужил, -
 Я дитя возил в коляске,
 Дом из кубиков сложил.
 И теперь я – ей-же-ей –
 Деревянный воробей!
 Есть какой-то голосок:
 Завожусь я на часок!
 Мой последний вечер – вот он!
 Мрак вокруг меня глубок.
 Очень скоро буду продан:
 Запакуют в коробок!

Я ЖИВ ЕЩЕ

Проснулся ночью – болит плечо.
 Ну что же, значит – я жив еще.
 От жизни больно, как от ушиба.
 А все же Богу за жизнь спасибо.

Кому столицы, кому задворки,
 А я остался в ночном Нью-Йорке.
 Себя я вижу за стойкой в баре.
 А за окошком – фонарь в угаре.

По виду скажут – бывалый малый,

Чуть-чуть сутулый, слегка усталый...
 А сам себе я по всем приметам
 Казался ветром, звездой, поэтом!..

Но только время – песок сыпучий.
 Улегся ветер, звезда за тучей...
 Да и с годами о всяком хламе
 Устал я звездно звенеть стихами.

Ну, что же, - с болью, так, значит, с болью.
 Уже свыкаюсь я с новой ролью,
 И телогрейка моя на вате,
 И вечерами окно в закате.

И клен знакомый – совсем у дома,
 И сад за домом, где все знакомо.
 Все то же кресло стоит в гостиной.
 Жизнь оказалась довольно длинной.

НА ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЕ

Уже ты подводишь итоги.
 Стоишь на последней черте.
 А помнишь плиту на дороге
 И надпись на темной плите?

Таинственно и величаво
 Плита среди высокой травы
 Гласила: «Пойдешь ты направо –
 Тебе не снести головы,

А если поправишься прямо –
 Схоронишь родных и друзей,
 Там ждет тебя черная яма
 И все твои милые в ней.

А если свернешь ты налево –
 Дорогу забудешь назад».
 Величием древнего гнева
 Слова на распутьи горят.

И хочешь не хочешь, а надо,
 Какой-нибудь путь выбирай.
 И выбрал ты с первого взгляда,
 А выбрал – уже не пеняй!..

Пошла твоя жизнь по-иному
 Хоть ты порывался потом
 Дорогу отыскивать к дому,
 Да сам ты не знаешь, где дом.

Идешь ты по жизни с опаской,
 Идешь с постаревшим лицом,
 А все еще веришь, что сказка
 Должна быть с хорошим концом.

МОЛИТВА

Дневных лучей осеннее литье
Торжественно ушло в небытие.

Торжественное небо надо мной
Поблескивает звездной сединой.

И слушают дорога и трава
Моей молитвы тихие слова.

Ты, Господи, оставил нас в огне,
Ты два тысячелетья – в стороне,

А мы от века до конца – плати
За неисповедимые пути.

Немногого прошу я – только дня,
Дня для земли без крови и огня,

Дня отдыха. Но только в этот день
Своей рукою солнце нам воздень,

И, может быть, тогда припомним мы
О Солнце Рая...

ТАИНСТВЕННАЯ ДВЕРЬ

Когда-нибудь и я столкнусь вплотную
Или завижу мельком в стороне,
Но не открою, а, как все, миную
Таинственную дверь в стене.

Так гомон переулков надоедлив
И так обычен этих зданий ряд,
Что мы проходим, шага не замедлив,
И стены с нами не заговорят.

Потом тоскуй, и сожалея, и сетуй –
Ты только время потеряешь зря:
Ни двери этой, ни щеколды этой
Ты не отыщешь в травах пустыря.

Ты никогда не возместишь потери
И до конца останешься смятен,
И будешь все выпрашивать о двери
У равнодушных, безответных стен.

ПОД КАКИМИ КРЕСТАМИ?

По стенам комнатушки разбросаны
Наших кленов последние письма.
Это все, что осталось от осени,
Это все, чем к зиме запаслись мы.

С той поры, как с тобой мы подхвачены

Этим роем, по миру носимым, -
Мы привыкли готовиться начерно
И к разлукам, и к бедам, и к зимам.

Что с того, что мы делаем промахи?
Вся-то жизнь, что ни день – то и промах.
Где-то в мире раскиданы холмики
И родных, и друзей, и знакомых.

За какими озерами синими,
Под каким неисхоженным кряжем,
Под какими крестами без имени
На разлуку последнюю ляжем?

Слушай, Господи! Жизнь уже порвана.
Одари хоть когда-нибудь щедро.
Раздели между нами Ты поровну
Эти два с половиною метра!

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ПОЛЕТОМ

Посмотри, как торопится птица,
Видно, время и мне торопиться,
Видно, время и мне подошло
Распрямить для полета крыло.

Посмотри, как торопится птица,
Видно, мне торопиться пора,
Закружился каштан темнолицый,
Как шаман, посредине двора.

И листва у дороги шоссейной
Все откосы усыпала сплошь,
На костлявых танцоров Гольбейна
Каждый вяз придорожный похож.

..Скоро с этого аэродрома
Ты отправишься, мой самолет,
В неизбежный, крутой, незнакомый,
Невозвратный, последний полет.